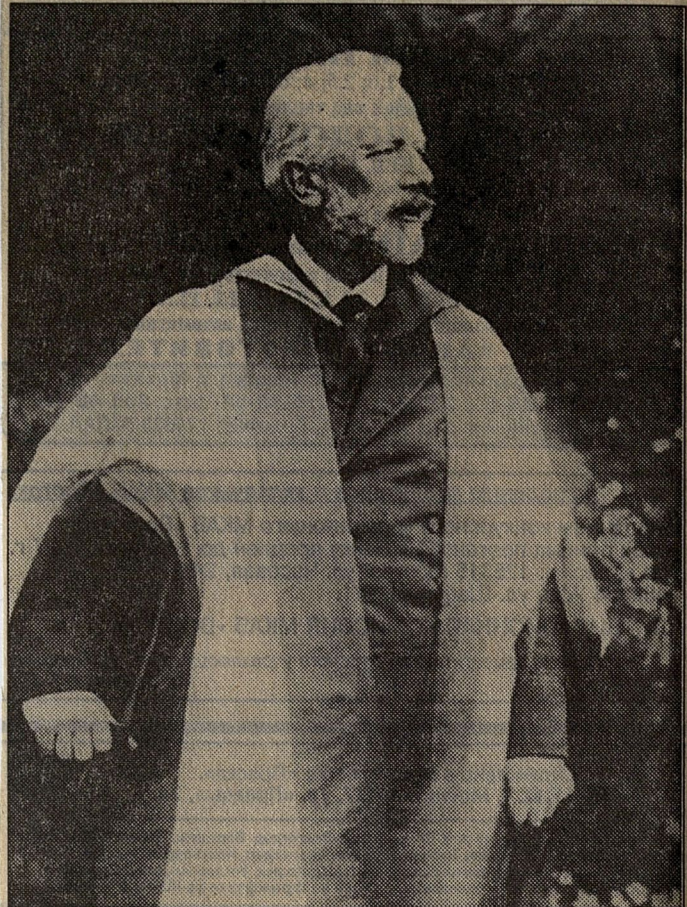

Еще одно открытие тайны смерти Чайковского

Известия - 1997 - 4 июля - с. 7.

Французский писатель вновь пытается доказать, что композитор покончил с собой

Всемирно известный французский романист и эссеист, лауреат Гонкуровской премии Доминик Фернандез приехал в северную российскую столицу поделиться открытием. Его последний роман «Суд чести», вышедший недавно в издательстве «Грассе», посвящен исследованию внезапной смерти Чайковского, случившейся, как известно, в 1893 году. Уже 104 года существует официальная версия о том, что великий композитор после исполнения 6-й («Патетической») симфонии в Петербургской филармонии зашел на Невском проспекте в ресторан Лейнера и, мучимый жаждой, попросил воды. Именно в этом стакане, утверждают медики, содержались микробы холеры, которыми заразился Чайковский и в скором времени скончался.

Доминик Фернандез такую версию смерти русского композитора отвергает. Будучи поклонником творчества Чайковского, он как-то в одной из букинистических лавок Неаполя приобрел книгу русской эмигрантки Орловой, посвященную жизни великого русского симфониста. Музыковед Орлова утверждала, что Чайковский покончил жизнь самоубийством, поскольку его гомосексуальные наклонности вызывали неприятие в высшем обществе. Эта мысль не давала покоя Фернандезу, и, приехав

четыре года назад в Петербург, он решил вплотную заняться изучением такой гипотезы. Французский писатель обратился в архивы, исторические музеи, библиотеки и тщательно исследовал все, что относилось к последним месяцам жизни Чайковского, когда он снял в Петербурге квартиру в доме на Малой Морской улице. Хотя писатель не получил прямых свидетельств в пользу своих догадок, появилась масса косвенных доказательств того, что Петр Ильич не мог скончаться от холеры. Будучи у смертного одра Чайковского, 20-летний Сергей Дягилев пишет, что композитора хоронили в открытом гробу. Из архивных источников Фернандез узнал, что это полностью противоречило петербургской традиции того времени — погибших от холеры никогда не показывали публике. Подробно разузнав также о том, как принимали посетителей в ресторане Лейнера на Невском проспекте, Доминик Фернандез однозначно утверждает — не мог в этом фешенебельном петербургском ресторане ни Чайковский, ни кто-либо другой заразиться холерой. Воду здесь подавали только в кипяченом, обеззараженном виде, и за всю историю этого заведения не было зафиксировано ни одного желудочно-кишечного заболевания.

Если не холера, то что же? Тот же Сергей Дягилев вспоминает, что в дни прощания с Чайковским по Петербургу ходили слухи о самоубийстве композитора. Об этом говорили оркестранты, которые разучивали и исполняли в Петербургской филармонии его 6-ю симфонию. В этом последнем сочинении Чайковского в отличие от многих других его произведений весьма ощутимы предчувствия трагической развязки, неизбежного конца, говорит Фернандез.

В какой-то мере завесу над тайной смерти Чайковского приподнимает эпизод из оперы «Евгений Онегин», считает французский писатель. По его мнению, сцену перед дуэлью Онегина и Ленского можно толковать как любовное объяснение двух мужчин. Объяснение, которое в тех условиях могло закончиться только трагически, чьей-то гибелью. Именно такой путь был предначертан и для самого композитора, говорит Фернандез.

Живущий во Франции писатель русского происхождения Андрей Ляшко, данными которого пользовался Доминик Фернандез, в свое время получил доступ к архивам Чайковского и отправился в его дом в Клину. Он удостоверился в том, что во многих письмах, носивших личный характер, есть много зачеркнутых строк, и пытался про-

читать эти места. Немало писем, по его мнению, было просто уничтожено. Существовала семейная цензура, поскольку брат и сестры композитора были заинтересованы в том, чтобы скрыть истинные обстоятельства смерти Чайковского. Брат Петра Ильича, Модест Чайковский, «наложил руку» практически на все его произведения. Если бы разразился скандал, сочинения Чайковского исполнялись бы гораздо реже и семья лишилась бы значительных средств, которые получала в соответствии с авторскими правами.

Вторая волна цензуры, говорит Доминик Фернандез, возникла в годы советского режима. Коммунистическая доктрина — пуританская, согласно которой великий национальный композитор не мог быть гомосексуалистом. Все издания советского времени не содержали даже намека на этот факт, Чайковского представляли идеальным со всех точек зрения.

В романе «Суд чести», как и в других своих произведениях, Доминик Фернандез прибегает к широкому историческим параллелям. Он считает, что в России с Чайковским произошло то, что через два года случилось в Англии с писателем Оскаром Уайлдом: высшее общество, до поры до времени закрывавшее глаза на гомосексуальные наклоннос-

ти обоих выдающихся людей, вдруг решило свести с ними счеты. Согласно уголовному кодексу, гомосексуализм в России преследовался по закону, и Александр III, слышавший большим моралистом, направил стрелы монаршего гнева в сторону одного из своих подданных. Вопрос только, говорит Фернандез, вершился ли суд чести от имени императора или же от какого-то из его министров.

Членами суда чести, который предстает в романе французского писателя, становятся семь человек, в том числе монарх, судья, врач, попечитель Госсювета и другие. Исключая императора, всех их объединяет то, что они когда-то вместе с Чайковским учились в Петербургском училище правоведения. Вердикту этого суда должен был подчиниться композитор. «Со времен Сократа, приговоренного афинянами, это был из ряда вон выходящий случай, — говорит Фернандез. — Понимаю, что русских может шокировать такая трактовка событий, переворачивающих их привычное сознание. Ничего другого в романе я предложить не мог, поскольку это наиболее правдоподобное изложение моего исторического поиска».

Сергей КРАЮХИН,
«Известия».

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.